

(Kritik der belarische)
О ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. (Kleine Skizzen).

"Los muertos mandan" ... = ...
Blasco - Wagner V.

sc

Война и пришедшая с ней революция привели с собой новый сдвиг в истории литературы и в самой литературе. Яснее всего это ощущается в России, в русской литературе. Война и революция дали не только особую окраску мироощущению писателей и повлияли на их стиль, но создали сложное передвижение в глубинных пластах содержания произведений. Напомним всем известные факты, хотя бы из западной, европейской литературы. "Огонь" Анри Барбюса и "На западном фронте без перемен" Ремарка не могли быть написаны до 1918-1919 г.г. С литературой случилось что то особенное и кризис тематики и стиля исключительно остро переживается многими писателями.

Все вышесказанное в несравненно большей степени так по отношению к России, где настала ломка и раскачка, передвижения огромных масс, смена мировоззрений "появление" совершенно иного мироощущения^{x/}. Кажется, особенно благодаря значительной эмиграции литераторов начала XX в. из России, смерти и молчанию "не приспособившихся", что литература совершенно переменялась. Мы, однако, уверены, что это далеко не совсем так. Литература лишь "одевается" в разные одежды, а все же в сущности история ее развития, история борьбы "старого и нового" "архаистов и новаторов"^{xx/}, классиков и романтиков продолжается непрерывно; литература пополняется новыми идеями, новые формы появляются на ее поверхности, новые факторы вступают в поле зрения историка литературы. Происходят героически-комические попытки порвать со старым уйти из под власти прошлого, но в литературе они лишь смешны - новое вырастает из старого, а не сидит у него на хребте.

x/ Под словом *Weltempfindung* подразумеваю сложные, часто не вполне осознанные комплексы душевных отталкиваний и притягиваний к ряду образов, проблем и даже предметов.

xx/ Употребляю этот термин в значении данном ему Ю. Тыняновым.

Когда В. Брюсов основал "Литературно-Художественный институт" и начал работать, помогая образованию пролетарских писателей, он вскоре встретил жестокий спор: В. Арватов выступил со статьей "контр"революция формы", где доказывал, что Брюсов не новатор, а опасный архаист, перегруженный старой буржуазной культурой и ее поэтическими приемами, что он человек, убивающий дух молодого пролетариата. В то время, да и позже, многие в России были уверены, что "для создания новой поэзии необходима прежде всего личность четкого пролетарского сознания"; журнал "На Литературном Посту" требовал разрыва со старым и создания "своего классового искусства"; говорилось об необходимости "марксистского метода мышления". Обнаружились стремления порвать со старым, отбросить классиков. Правда, такие выкрики встречали порой достойный отпор: "У нас находятся чудаки, считающие, что язык Пушкина, Гоголя, Островского устарел, что этих мастеров слова пора выбросить за борт современности. О, храбрые гимназисты, собравшиеся с перочинными ножами в Африку на слонов" /"На Посту"/. Слышатся голоса, зовущие от тревожных исканий и безудержного новаторства назад к классикам: С. Клычков писал в "Красной Нови": "Двенадцатый час наших бесчинств пробил. Поэтические отары распались... ибо в искусстве все таки ценной^и останется жить только то, что прекрасно и просто". А это значит прежде всего необходимость учиться у классиков и людей большей культуры и таланта.

Можно по разному подходить к литературе: искать в массе беллетристических произведений тот закон, которому подчиняется эволюция их форм, можно стремиться постичь "дух времени" по терминологии Гегеля; можно отыскивать у Чехова, Горького, Короленко, Блока и т. д. предчувствия революции и знамения времени в их конкретном историческом проявлении. Но при всех этих изысканиях мы прежде всего столкнемся с проблемой старого и нового в литературе, т. е. с вопросом о значении литературной традиции. От традиции писатель и "отталкивается, чтоб дальше прыгнуть", как с трамплина, и традиция же является руководителем в его исканиях, опорой и фундаментом для творчества. Соглашаясь с Г. Шпетом, что нам "не выпрыгнуть" из литературного произведения, что при вся

3
ком анализе мы не можем далеко отойти от самого предмета разбора, думается, можно утверждать самостоятельное /до известного предела/ значение для читателя области идеологической и формальной. При чтении, часто переплетаясь действуют оба фактора. В обеих этих областях и в области формы и в области содержания сталкиваясь ~~об~~ борются принцип Нового с традицией Старого.

В настоящей краткой заметке мы попытаемся наметить лишь некоторые пункты затронутой нами проблемы, проблемы борьбы старого и нового в России последних лет. Точнее говоря постараемся на некоторых писателях, внятых из разных поколений и слоев, указать, где и как следует искать традицию и ее значение. Наши наброски не претендуют на название исследования, это лишь обрывки тех мыслей, какие приходят в голову многим читающим новую советскую литературу. Берем на себя ~~их~~ смелость высказать их печатно.

В истории литературы, в создании в ней традиции совершенно особую роль играют гениальные писатели. С течением времени роль их не уменьшается, а обычно возрастает, так как теряются соединяющие звенья в литературной цепи, по крайней мере из глаз не-специалистов. В эпохи *Sturm und Drang's* и перелома это особенно чувствуется. Обратим внимание хотя бы на новый расцвет пушкинологии. Кроме историко-литературных работ ищутся романы из пушкинской эпохи /"Кукля"/, стих Пушкина вновь подхватывается рядом поэтов и влияние его входит мощной струей в творчество даже тех поэтов, как С. Есенин, В. Кириллов и мн. др.

Создание общества "Серапионовы братья" /1921 г./, куда вводили лучшие и культурнейшие писатели России, являлось знаменем времени. Истинная литература стремится, ориентируясь на действительность, на "современность" забыть "сегодняшний день" - термин Е. Замятина, - она - опирается на традицию.

В гуще новейшей русской литературы можно заметить ряд особенно живых откликов "классической" ^{х/} традиции. На первых местах /не считая Пушкина/ думается, стояли Л. Толстой, Достоевский, Гоголь и Лесков. Многие множество писателей связано так или иначе с их творчеством, повторяет их излюбленные приемы, учится у них и проникается их философией. Разве Фадеевский "Газгром"

х/ Термин "классический" прилагаю к таким писателям, как Достоевский, Пушкин, Толстой и т. д.

не напоминает некоторыми приемами "Войну и мир" - личность и масса, вождь и солдаты; разве Булгаков, Романов / "Детство" / не находятся под мощным давлением Л. Толстого? А Достоевский не захватил ли он значительное число писателей под свою власть? Здесь и Пильняк и Лидин и Леонов и ин. другие; А Гоголь и Лесков, не отразились ли во многих произведениях Замятина, Зощенко, Ремизова, Бабеля? / и т. д. / . Я вернусь еще к некоторым авторам, а пока позволю себе сосредоточить свое внимание прежде всего на М. Булгакове и Л. Леонове.

Писательские и обывательские круги в России и за границей всколыхнула "Белая Гвардия" / Дни Турбиных / Михаила Афанасьевича Булгакова, которая по причинам партийно цензурным так и не была издана на территории СССР отдельной книгой^{х/}. Это произведение было переработано в пьесу и имело шумный успех и в России и кое где за границей. Молодой писатель / родился в 1891 г. / киевлянин и по образованию врач в своем творчестве исключительно проникнут влиянием "старой" прозы Золотого Века русской литературы. Традиция влияния легко заметны в его "Диаволяде" / 1925 г. / , но особенно выступают в четких и ясных линиях в "Белой Гвардии", на ней я и позволю себе остановиться.

С первых же страниц произведения мы наталкиваемся на вехи, которые поставила рука самого автора. Тут и эпиграф из Пушкина / "Капитанская Дочка" / и Апокалипсиса, и "Бесы" Достоевского, которые читает перед сном герой романа, и "Господин из Сан-Франциско" - И. Бунина и т. д. Более скрыто основное влияние на роман и его многие стилистические приемы - я говорю о "Войне и мире" Л. Толстого. В самом деле уже предмет изображения - война и мир, семья и рядом тихая народная жизнь в критическую эпоху - все помогает сближению двух романов. Тихий уют интеллигентского дома с роялем, коврами, цветами, книгами, пением и любовью охватывает сразу читателя. Правда, здесь революция и ожидание гибели молодых полных сил людей. Старое умирает, и что то грозное судьбоносное чувствуется за каждым событием. Но все же сколько здесь от Льва Толстого! Прежде всего здесь толстовское понимание силы народа, который внезапно пробуждаясь гонит и убивает немцев и Украину; интеллигенты / "Василиса" /

х/ Печаталась в журнале "Россия" / 1924 г. / .

жмутся и боятся и не понимают его.

В романе Булгакова мы не раз натолкнемся на излюбленные приемы писателя Л. Толстого. Тут следует отметить прежде всего прием повторения, связанный с тем, что В. Шкловский называет "остранением вещи"; одним из ярких примеров подобного рода описаний следует признать описание рук Сперанского в "Воине и Мире". Этот же прием, слегка изменяя его, вводит и Булгаков. Но не одно это, ряд ситуаций и восприятие мира героями связано с творчеством Толстого.

Так, когда в Киев к Турбиным приезжает Ларисик и входит в комнату, где спит Николка, в грезы Николки врывается его голос и его образ присоединяется к полу-бреду. Николка подобно Пете Ростову на телеге в обозе В. Денисова, играет во сне фугой звуков и по его желанию звуки то усиливаются, то замирают. Толстой в бреду князя Андрея под Москвой, во сне Пьера употребляет прием смешения грезы и действительности, сна и бодрствования. Герои сплетают сон и явь и наконец, явь разрывает сон. То же самое находим в романе Булгакова. Свет, звук, цвет, переплетаются, и герой продолжает мыслить, в полусне связывая его нить с происходящим рядом с ним. Это описание сна Николки, эта игра музыкальной звуков столь близки к соответствующим местам "Воины и Мира", что можно говорить о своеобразном заимствовании.

Но сходство приемов и ситуаций в обоих романах идет значительно дальше. В глубь романа Булгакова входит мощное влияние Льва русской литературы. Фигуры некоторых героев сделаны по образцу лиц, действующих в романе Л. Толстого. Внимательному читателю, временами, кажется, что автор нарочито подчеркивает свое тяготение к Толстому. Остановлюсь, ради краткости, лишь на двух из типов; это фигуры живые и вместе с тем, как бы двойники толстовских героев. Мы говорим о полковнике генерального штаба, муже Елены Тальберге и о русском полковнике Найтурсе.

Тальберг - русский немец, уже своей фамилией напоминает нам несимпатичного Толстому Берга - мужа Веры. Оба они выпадают из тона семьи, оба аккуратно

Интересен подзаголовок романа - Дни Турбиных, Турбин - фамилия героя рассказа Толстого Два гусара.

ны, разумно осторожны, чтобы не сказать трусоваты, мещане до мозга костей, холодны по натуре и играют роль самоуверенных, самовлюбленных людей, крайних эгоистов, а в сущности совсем „*comme il faut*“.

Авторы глубоко презирают этих холодных эгоистов, людей всегда стремящихся приспособиться к чему угодно и с невероятной ловкостью "подгоняющих" сюжеты и убеждения к данной обстановке. Они оба обладают тем, что народ называет "складной совестью". На фоне великих потрясающих событий, грозного лика войны, эти самодовольные и порой покладисто-юркие фигурки жалки своей ничтожностью. Они не пропадут, их не переедет колесо истории, они как резинка, как тряпичная кукла с какой бы высоты ни упали не могут разбиться.

Такова первая фигура в романе М. Булгакова. Совсем другой тип представляет собой полковник ~~Митуха~~ Найтурс, столь сходный многими чертами и своего облика и своими действиями со славным Васькой Денисовым. Д. Толстого. Прежде всего бросается в глаза их гусарская выправка - внешность заправского кавалериста-наездника: оба лихие гусары, смелые и ловкие воюки, блестящие командиры, заботливые и жертвенно-смелые к своим поддатым. Они ведут в бой, они прирожденные вожди. Оба удалые кавалеристы имеют один и тот же недостаток речи - не произносят всех букв картавя главные - р и л они их заменяют глухими; у обоих Чегт или Чехт, а не Черт.

хх/

Но мало этого; сами действия храбрых гусарских полковников имеют, что то общее, не зависящее только от сходной обстановки: Денисов командует партизанами, полковник Найтурс, в момент разложения тыла, командует сборной бригадой, составленной из добровольцев. Сверх этой сходной обстановки можно легко увидеть на действиях Найтурса отблеск смелых и не вполне законных поступков отчаянного партизана Васьки Денисова, видя разъезжающую все безмозглую канцелярщину тыла, замечает, что он не сможет добром получить валенки для уходящих на фронт солдат; тогда

х/То, что у Толстого в Берге только намечено, - у Булгакова порой, развито до конца.

хх/К концу кампании 1812 г. Денисов получил чин полковника.

полковник с колтом ^{хх/} в руках врывается к генералу-интенданту и вынуждает у него угрозой требование/ордер/ на валенки. Совершенно подобное же, по сути дела, действие совершил и Денисов у Толстого, который в более спокойной обстановке правильной войны, делает свой менее грозный, но равно удачный налет на тыловики. Наконец, оба нежно-любовно и дружески относятся к мальчикам, павшим под их команду. Найтурс жертвует жизнью ради спасения юнкеров и приказывает Николке в момент смертельной опасности бросить его на произвол судьбы. Само поведение Николки Турбина, его мечты о славе и храбрых подвигах его детский героизм и наивность так и дышат Петей Ростовым. Николка Турбин это воскресший Петя Ростов, живущий в эпоху гражданской войны и огромных социальных сдвигов. Его трогательная в своей юной наивности и привлекательная своим храбрым благородством фигурка охвачена сиянием толстовского милого и несчастного Пети.

Конечно, не следует забывать и других типов романа Булгакова, и на многих из них лежит ответ великой эпопей "Война и мир". Однако подробный разбор этих более сложных типов завлек бы нас слишком далеко, — нам пришлось бы говорить подробнее и об своеобразии талантливого романа М. Булгакова.

Обратимся, однако, на момент к тому новому, собственному, авторски свежему, что дает нам в своем произведении Булгаков. Прежде всего, с нашей точки зрения, это особый запевный лиризм многих мест романа. От некоторых лирических вступлений веет своеобразной символичностью, а иные из лирических отступлений — запевок сближаются в своей тональности и словорасположении с "Словом о полку Игореве". Таково начало одной главы: "Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы ^{х/}, потухнет огонь в бронзовой лампе а "Капитинскую Дочку" сожгут в печи" и т.д.

Вообще у Булгакова много символов одухотворяющих жизнь природы, заставляющих ~~хх/~~ чувствовать своеобразное движение великих масс, нечто от народной поэзии и Апокалипсиса. Таково начало романа, написанное с глубоким лирическим

хх/ Система револьвера, обычно у зарядный автоматический пис толет.
х/ Здесь говорится об изображении, вышитом на кофре.

ким пафосом в тонах отреченных книг; знамена свыше, знаки судьбоносных дней реют и вывются над страницами его романа. Все падает, рушится, сдвигается со своих мест, и таинственное, грозное шествие невидимых, скрытых и могучих сил ощущается на всем протяжении повествования. Я знаю нечто подобное в литературе лишь в романе Ч. Диккенса "Повесть о двух городах"; там тоже таинственные шаги исторических событий улюк звучат по плитам двух великих городов.

На первый взгляд в "Белой Гвардии" не рещаются и не ставятся большие проблемы, ни любовь ни "проклятые вопросы", как их назвал Г. Гейне, вопросы о смысле Добра, о бессмертии души, о Боге и т.п. кажется, это не входит в поле зрения автора. Однако, это серьезный роман, а не легкая повестушка. В 1924 г. в год выхода в свет "Белой Гвардии", Е. Замятин писал: "Правды - вот чего в первую очередь не хватает сегодняшней литературе... писатель изолгался, слишком привык говорить с оглядкой и опаской". Оттого "трудно увидеть нашу удивительную, неповторимую эпоху - со всем, что в ней есть отвратительного и прекрасного". А. Булгаков прежде всего правдив; у него свои симпатии и антипатии, но он искренен и потому многие из его страниц "совершенно бессмертны". И сам писатель острее всего воспринимает бессмертную красоту и неувыдающую прелесть всего истинно прекрасного и правдивого. Умрут Турбины, про шумит гроза, сойдут за горизонт тучи и кровь убийств и сражений впитает в себя земля. А "Фауст" и "Капитанская Дюба" останутся и будут их читать и ими умиляться новые поколения и в театре будут сидеть прекрасные женщины и будет опять пахнуть тонкими духами. Так говорит и мыслит Булгаков. Он верит и в красоту подвига и в силу человека и в вездесущего Владыку, но молится он Красоте, ибо в ней и Бог и Сила и Правда.

 х/Отреченные книги = апокрифические. Anmerk. nur für Übersetzer.
 Primetha Samko za prevodilica